

Осип Мандельштам в стихах ПОЛЬСКИХ ПОЭТОВ

Валентина Брио

Еврейский университет в Иерусалиме
(Израиль)
E-mail: brio@mail.huji.ac.il

Аннотация. В статье рассматриваются стихи, написанные польскими поэтами о Мандельштаме. Эти стихи являются особым типом рецепции, а также могут пониматься в аспекте темы читателя Мандельштама. В статье анализируются 15 стихотворений известных польских поэтов, среди них Артур Мендзыжецкий, Виктор Ворошильский, Ярослав Марек Рымкевич и др. Польские поэты видят трагическую судьбу Осипа Мандельштама в свете образа поэта и значения поэзии в связи с живой традицией польской литературы и культуры. О Мандельштаме они пишут как о мученике и как о великом поэте, а свою обязанность видят в том, чтобы сохранить свидетельство памяти.

Ключевые слова: Осип Мандельштам, польская поэзия, рецепция, образ поэта.

Osip Mandelstam in the Works of Polish Poets

Valentina Brio

The Hebrew University of Jerusalem
(Israel)

Summary. This article analyzes poems written by Polish authors about Osip Mandelstam. Fifteen poems by famous Polish authors, such as Artur Międzyrzecki, Wiktor Woroszyński, and Jarosław Marek Rymkiewicz, are examined. Polish poets perceive Mandelstam's tragic fate through the prism of the poet's image and significance of poetry as they appear in the context of the lives of the Polish literary and cultural tradition. These authors see Mandelstam as a martyr, an outstanding poet. To them, their mission is to bear testimony.

Keywords: Osip Mandelstam, Polish poetry, reception, image of Poets.

«И Польша нежная, где нету короля...», – писал Осип Мандельштам в 1914 г., представляя страну своего рождения на «таинственной» меняющейся карте Европы («Европа»; Мандельштам 2001, 52). Польские поэты слагают свой поэтический венок Мандельштаму – вот уже на протяжении 60-ти лет.

Поэт Ярослав Марек Рымкевич открыл Мандельштама в первой половине 1960-х гг., как он рассказал в беседе с Натальей Горбаневской в 1994 г.:

... я открыл Мандельштама прежде всего как великого поэта, вне его человеческой судьбы, абстрагируясь от нее. Я видел прежде всего великого, небывалого поэта –

Received: 15/09/2020. Accepted: 25/09/2020

Copyright © 2020 Valentina Brio. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

великого тем, что он сумел победить историческое время, сумел в то страшное историческое время, которое как раз и определило его судьбу, словно вознестись над ним, избежать всех ловушек, которые расставляет история, не попасть в сети поэзии, очерчиваемой только исторически, только политически. Это было для меня доказательством необычайного мужества, необычайной интеллектуальной и духовной отваги: он вел себя как великий поэт, попросту как поэт. Перед ним стояли огромные поэтические задачи, и он не дал себя низвести до той страшной действительности, в которой ему пришлось жить, – он победил историю. И так уже на всю жизнь он остался для меня чудесным образцом человека, который сильнее истории, который доказывает, что поэзия есть нечто большее, чем история: история пройдет, а поэзия останется.

(Рымкевич 2004, 55. Пер. с польского Н. Горбаневской)

Рымкевич в разные годы написал несколько стихотворений о Мандельштаме, речь о них впереди.

Об истории рецепции и переводов Мандельштама основательно написали польские исследователи Адам Поморский (Pomorski 2011), Петр Мицнер (Мицнер 2011), Моника Вуйцьяк (Wójciak 2009). Стихотворения о Мандельштаме специально не анализировались; 9 таких текстов опубликованы с параллельными переводами в итоговом сборнике Мандельштамовских дней в Варшаве 2011 г. (Корни, побеги, плоды... 2014, 11–26); наша работа опирается на 15 текстов.

Первое польское стихотворение о Мандельштаме появилось в 1959 г. Оно принадлежит перу писателя-эссеиста Людвика Богдана Гженевского (Ludwik Bohdan Grzeniewski, 1930–2008). Стихотворение привел Петр Мицнер в своей статье «Путь Мандельштама в Польшу». Оно озаглавлено «Поэзия и поэт» (Poezja i poeta). Первая строфа представляет собой польский перевод стихотворения Мандельштама «Из полутемной залы вдруг...» (1908). Вторая – оригинальный текст Гженевского – в дословном переводе Мицнера звучит так: «*Вот наклоняется над столом / обычным сосновым столом в лагере / классическая строфа покой несет / достигает прочности презрением*» (Мицнер 2011, 13–14). Поэзия Мандельштама видится автору классической, вероятно, как эскиз романного сюжета; обратим также внимание на утверждение победительной и врачующей («покой несет») силы поэзии. К оптимизму такого рода другие поэты чаще относились несколько скептически. Но очарование поэзии Мандельштама, заставившее автора включить его четверостишие (хотя и в переводе) в свое произведение о поэте, – факт весьма знаменательный. В дальнейшем мы увидим, как словообразы, мотивы, приемы в качестве подтекстов, интертекстуальных связей, прямых и скрытых цитат живут в польских стихах о русском поэте.

В 1966 г. в Варшаве вышла книга Рышарда Пшибыльского «Et in Arcadia ego. Эссе о печалях поэтов» (Et in Arcadia ego. Esej o tęsknotach poetów), первый раздел которой открывает эссе «Осип Мандельштам: На каменных отрогах Пиэрии». Стихотворение анализируется как идиллия (Przybylski 1966, 13–53). Пшибыльского читали внимательно. Об этом запись Артура Мендзыжецкого:

Рышард Пшибыльский представил недавно в книге эссе «Et in Arcadia ego» три приключения поэтов XX века, которые вступили в европейские края мечтаний и,

*перестраивая функции старых символов, перенесли их тем самым в новые панорамы своего столетия. Манделштам повторял и модифицировал золотую легенду как тоску по духовной гармонии. Элиот видел в аркадийском мифе надвременную структуру, пронизывающую слои произведения и устанавливающую над ним контроль. Ружевич – полный опасений уход от драматической ситуации человечества. Кто не прощался в наше время с легендой Аркадии!*¹

(Międzyrzecki 1970, 111–112)

Эта краткая аннотация книги стала отправной точкой для размышлений ее автора о литературе на эту тему.

Замечательный исследователь русской литературы, поэт, переводчик Рышард Пшибыльский (Ryszard Przybylski, 1926–2016) написал также книгу о Манделштаме. Он был лично знаком с Надеждой Манделштам и Анной Ахматовой, памяти которой посвятил свою книгу «Благодарный гость Бога» (Wdzięczny gość Boga. Paris, 1980). Книга завершается удивительными словами:

Когда идешь улицами Варшавы, – сходишь к умершим, потому что каждый в этой толпе движет в себе тяжесть времени предков. И эта уличная толпа – это наша вечность или могила великого поэта Осипа Манделштама. Прах, который он одолжил у матери, свалили такие же мученики в братскую яму в лагере под Владивостоком. Но его время, которое стало светом, не могло быть погребено и разливается теперь над варшавской толпой, опускается на широкий форум полей и колоннады роц, зажигает ночью лампу у изголовья польских студентов, которые как раз собираются в короткий, но тяжкий путь, per aspera ad astra.

(Przybylski 1980, 157)

Пшибыльского отличает очень индивидуальный стиль, в котором соединились разные его таланты: эрудированного ученого и поэта. Его книги волновали умы, от него многие получали стихи Манделштама. Пшибыльский был составителем книги избранной поэзии Манделштама, которая вышла в 1971 г. (напомним, что в СССР том в большой серии «Библиотеки поэта» издан в 1973 г.). Вероятно, в атмосфере подготовки сборника, обсуждения переводов создавались и стихи о Манделштаме.

Обратимся к поэтам и стихам 1970-х гг.

Яцек Березин (Jacek Bierezin, 1947–1993) был активным деятелем оппозиции, неоднократно арестовывался в ПНР, запрет на издание его сборника, уже принятого к печати, вызвал общественный резонанс. Сборник «Вам» (Wam) был выпущен независимым польским издательством в Париже в 1974 г., он открывается стихотворением «Манделштам» (1970). Стихотворение Березина о последнем пути поэта написано от первого лица и является внутренним монологом человека, тяжело больного, погруженного в забытие, и лишь на короткие мгновения возвращается он к реальности тюремного вагона, где «стоны, теснота и духота»:

Сегодня черепаха-лира и солнце Эпира, / Время бедствия несет бред / Счастливые острова, синева Эллады. / А завтра – пот и страх. // <...> Есть святой остров, где

¹ Здесь и далее переводы с польского (если не указан другой переводчик) сделаны нами. – В.Б.

шумит Енисей, / где волк не умирает как волк. / Клыками хочет драть за жизнь и свободу, / а вокруг Ничего. Пустота.

В конце стихотворения герой окончательно переходит в мир сна: «Кто молчит – позволяет / День вырвал сон с веками. / А вороны липкое от крови стерво / Рвали клювами и когтями. // Вот и Владивосток. Перерыв в пути. / А поезд катится дальше. / А мне снятся отроги Пиэрии, / Каменной и совершенной» (Bierezin 1974, 21–22).

Легко узнаются, конечно, мотивы стихотворения «На каменных отрогах Пиэрии...» (1919), а также образно-смысловые отсылки к другим стихам: «Кто веку поднимал болезненные веки...»; «Какая боль <...>больные веки поднимать...» (1 января 1924 г.), «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931, 1935) (Мандельштам 2001, 74–75; 99; 170).

Называние имени возлагает на стихи функцию памяти, и в этом важная отличительная черта польских авторов.

Виктор Ворошильский (Wiktor Woroszyński, 1927–1996) тогда же написал стихотворение «Осип и Надежда» (1971). В период военного положения в ПНР (1981–1983 гг.) Ворошильский был арестован, написал об этих событиях стихотворный «Дневник интернированного» (Dziennik internowanego, 1983). Стихотворение «Осип и Надежда» обнаруживает знакомство с воспоминаниями Надежды Яковлевны Мандельштам (книга вышла в 1970 г. в Нью-Йорке).

Поэт – нищий. Такое положение / Ему пристало Не покоряется В нем / Открытость и открытая ладонь Жест / Столь привычный в воздухе / прозрачном своего города времени Стук / посоха по плитам улицы это как бы / пастораль сохранившаяся от семидесяти поколений / О если бы/ так могло быть до конца <...> / Поэт – нищий Но уже недолго // Тем временем / жена нищего роет скрытно / схроны для сокровищ Необходима спешка / Ночью роет и в сχροнах памяти укрывает / тут образ сонный / тут крик на цезуре / тут дистих / Я вернулся в мой город знакомый до слез / До прожилков до детских припухших желез / тут там раздвигает запирает раскладывает / на будущий блеск и пышность/ посмертные дворцы.

(Woroszyński 1988, 30)

«Осип и Надежда» спроецировано как на стихотворения «Мы с тобой на кухне посидим...» (1931), «Квартира тиха как бумага...» (1933), так и на «Еще не умер ты, еще ты не один, / Покуда с нищенкой-подругой / Ты наслаждаешься величием равнин...» (1937) (Мандельштам, О. 2001, 167; 195–196; 261). Как это часто в поэзии Ворошильского, здесь конкретные яркие детали создают образ персонажа, подсвеченный метонимическим контекстом: «жена нищего», тайно и спешно зарывающая сокровища в глубинах памяти. Так поэт увековечил поистине великое деяние Надежды Яковлевны для спасения стихов Мандельштама от утраты и забвения.

Скажем здесь же несколько слов о более позднем стихотворении Ворошильского, 1990 г., «Экспонат в литературном музее» (Ekspонат w muzeum literatury). Запечатлен момент эдакого бума 90-х, когда начали открываться архивы, все публиковалось, все дозволялось. Следственное дело Мандельштама выставлено в экспозиции, и это

вызывает горечь: «словно булавкой прикололи / трепетание мотылька / его холод и стыд // Теперь / уходят в тяжелых сапогах и пальто / в черную пропасть века / А он стоит / голым худым плечом поддерживаяет / рушащийся мир» (Корни, победы, плоды..., 2014, 15). Ворошильский создал очень краткий свой вариант *Exegi monumentum* – но не для себя, как в традиции, а для другого поэта (уместен и намек на античную позу).

Поэт, прозаик, переводчик Артур Мендзыжецкий (Artur Międzyżycki, 1922–1996) являлся, можно сказать, подельником Мандельштама: он также был репрессирован советскими властями. В сентябре 1939 г. он находился во Львове, который был занят советскими войсками, как и другие части территории Польши вдоль ее восточной границы (по пакту Риббентропа – Молотова). После установления советской власти там начались аресты и вывоз населения вглубь СССР. 17-летний Артур Мендзыжецкий был отправлен в ссылку в Казахстан. В 1941 г. ему посчастливилось вступить в Армию Андерса, и с ней он попал на Ближний Восток в состав Английской союзной армии. Артур Мендзыжецкий стал поэтом во время войны, его стихи публиковались в газетах, выходивших в Иерусалиме, где тогда сложился крупный польский культурный центр. В 1944 г. на Святой земле вышел и первый поэтический сборник Мендзыжецкого «Палатка из Канады» (*Namiot z Kanady*). Вместе с армией Андерса он воевал в Италии, в героическом бою на Монте-Кассино был ранен. После войны Мендзыжецкий учился в Париже, позднее вернулся в Польшу, стал хорошим, признанным поэтом².

Мандельштама польский поэт видел в контексте европейской поэзии; он переводил его стихи. Стихотворение Мендзыжецкого 1971 г. – также о последнем пути Мандельштама:

А на север полуголый, полубосый / Шепча отрывки Inferno / Обезумевший едет Святой Осип / В нескончаемую даль немилосердную / Еще крачет коршун над каплей крови / А дальше ничего кроме льда / И кривит эскимосские брови / Персефона волчьего сада» (*A na północ półnagi półbosy / Wyszepując ustepy z Inferno / Oszałały jedzie Święty Osip / W nieskończoną dal niemilosierną / Jeszcze kracze kruk nad kroplą krwi / Ale dalej nie ma nic prócz lodu / I przekrzywia eskimoskie brwi / Persefona wilczego ogrodu*).

(Międzyżycki 1994b, 261–262)

Стихотворение – краткое и содержательное. Мандельштам в ранге святого – святого мученика, конечно. Поэт в образном поле своей поэзии. Мотив 2-го стиха близок мандельштамовскому мотиву у Пауля Целана³. Мобилизованные контексты

² Мендзыжецкий – один из героев моей книги (*Польские музы на Святой Земле. Армия Андерса: место, время, культура (1942–1945)*). Иерусалим – Москва: «Мосты культуры» – «Гешарим», 2017). Думается, уместно здесь упомянуть его товарища по оружию и по поэтическому цеху, также напечатавшего первые стихи на Святой земле – Чеслава Беднарчика, после войны – издателя, выпустившего в Лондоне «Поздние стихи» Мандельштама по-польски: *Osip Mandelsztam. Późne wiersze*, przełożył Stanisław Barańczak, Oficyna Poetów i Malarzy, Londyn, 1977.

³ «И мы пели Варшавянку / шершавыми губами, Петрарку, / в уши тундры Петрарку» (*Und wir sangen die Warschowjanka / mit ferschliffen Lippen, Petrarca. / In Tundra-Ohren, Petrarca*) (Celan 2003, 154).

Мандельштама оборачиваются зловещей изнанкой. Аллитерация в стихе *Jeszcze kracze krok nad kropłą krwi* усиливает атмосферу безысходности.

Это стихотворение Мендзыжецкого составляет своего рода двойчатку с другим, с «Размеренный шаг центурий заглушал жаворонков...» (Powolny krok centurii przygłuszał skowronki...). Хотя стихи разделены несколькими годами, общее у них – отправление в сад Персефоны, северной, зимней. «Размеренный шаг...» вошел в сборник «Изгнание в рифму» (Wygnanie do rymu, 1977):

*Размеренный шаг центурий заглушал жаворонков / Густоту елей острили копы
Октавиана / Осип Мандельштам слушал зевы лугов / Этот день что с утра скандировал
гекзаметр // И кварцем Палатина искрилась поляна / Золотое яблоко катилось
в асот и колокольцы / Был ему Римом солнца этот остров, облитый / черной
пенной изгнания и водой разлуки // Подваршавские дятлы выстукивают в клены / Бу-
колику на полпути от Рима и до Крыма. Отсюда уезжал в сад зимней Персефоны /
На четыре золотых ветра шумящих в рифму / Остался след огня колонка дыма /
Пустой бивак и прожорливые на снегу вороны.*

(Międzyzrecki 1994a, 122)

Текст воссоздает семантическую картину поэтического мира Мандельштама, метафорические пересечения отсылают к его стилистике и образности, поэт погружен в свою поэзию. В подтекстовом слое тонко прописана тема Овидия, поэта-изгнанника (и Овидия пушкинского). Есть и польский звук: «Подваршавские дятлы выстукивают в клены / Буколику на полпути от Рима и до Крыма». Выстроена пространственная ось, связавшая поэта и с Варшавой, местом его рождения. Парономастическая игра рифмами вполне мандельштамовская: Rzym – Rzym – rym, то есть Рим – Крым – рифма, вовлекает в семантику текста и наименование сборника «Изгнание в рифму» (Wygnanie do rymu), в который вошло это стихотворение, вибрирующее отзвуками «изгнания в/из Рим/а». В «Негодование старческой кифары...» (1915) рифмуется Рим – Крым; но в большей степени польский поэт опирался на стихотворение «С веселым ржанием пасутся табуны...» (Мандельштам 2001, 57; 144).

Тема святости поэта, вообще очень важная в польской поэзии, продолжена также и здесь: уход в «сад зимней Персефоны», так, как он здесь описан, – это его вознесение: след огня, колонка дыма – сближает с библейскими вознесениями (к примеру, Книга судей, 13: 20–21).

Указывая на подтексты, реминисценции, мы видим, что они множественны, и согласимся с исследователями: «...пересечение подтекстов есть некоторый “сюжет” взаимоотношения культур, языков и т.п., столь часто эксплицируемый в статьях и стихах Мандельштама» (Левинтон, Тименчик 2000, 409). В нашем контексте это суждение приобретает самый буквальный смысл.

Ко второму стихотворению есть если не комментарий, то авторское пояснение. Мендзыжецкий получил отклик молодого поэта на сборник «Изгнание в рифму» (судя по ответу, молодой человек не понял настоящего смысла стихов). Свои чувства Мендзыжецкий описал в дневнике:

я не был задет как писатель, но потрясен как человек, которому приписали чужие мысли и чужую душу. Среди пары принципов, которых я придерживаюсь, есть и такой: надежда не подлежит демифологизации. И связано это с самой сутью поэтического и писательского сознания, как я его понимаю. Конечно, это отражается на всем, на отношении к истории – не безлюдной. <...> «пустой бивак» (тоже цитируемое) тоже связано с судьбой, и даже с конкретной судьбой окровавленного Орфея этого мира.

(Międzyrzecki 1992, 329–330)

Некоторые стихи Мендзыжецкого своеобразно хранят память о стихах русского поэта. Приведем один пример. В стихотворении «Контролируемый разговор» (т.е. прослушиваемый; *Rozmowa kontrolowana*) прослеживается тонкая связь со стихотворением Мандельштама «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...» (1930)⁴. Речь идет о невозможности коммуникации, хотя средство для этого (телефон или «у тебя телефонов моих номера») есть. В стихотворении Мендзыжецкого повторяется рефреном слово «halo», но в ответ – лишь неясный шум или гул, свидетельствующий о прослушивании. Сближаются в двух текстах мотивы мертвого: «*мертвецов голоса*» и «*молчишь, будто погребальную / надели на тебя рубаху*», «*душа живая / или прах*» (Międzyrzecki 1982, 7). Вероятно, сближаются по качеству запаха: «*день провонял гнилой соломой*» и «*... денек, / где к зловещему дегтю подмешан желток*». Главная тема – несвобода, слежка, ожидание ареста. В подтексте возможен также отзвук другого стихотворения Мандельштама – «Еще далеко мне до патриарха...» (1931), с его польским «акцентом»: «*Я, как щенок, кидаюсь к телефону / На каждый истерический звонок: / В нем слышно польское: “Дзенькуе пани”, / Иногородний ласковый упрек / Иль неисполненное обещанье*» (Мандельштам 2001, 176).

Обратимся к другим стихам. Адам Поморский (Adam Pomorski) – поэт, переводчик, исследователь творчества Мандельштама, автор солидного тома сделанных им переводов поэзии и прозы с обширными комментариями «Осип Мандельштам. Неразгромленный и неограбленный» (2014). Его тонкая стилизация «На небе пекло комет...» (*Na niebie piekło komiet...*, 1975) вдохновлена стихотворением Мандельштама «Не говори никому...» (1930): «*На небе пекло комет / и под обстрелом звезд / замерзает птичий помет / на крышах людских хат // А месяц как фанатик / вырвавшись из мрака мира / вглядывается в негатив / Безумья, преступления, предательства*» (Pomorski 2014, 25). Связь русского и польского поэтов подчеркнута в переводе Натальи Горбаневской: «*А месяц... / Глядит в негатив пожаров, / Безумья, измены, тюрьмы*» (в оригинале: *A księżyc... / Wpatruje się w negatyw / Szaleństwa, zbrodni, zdrad*). Напомним, у Мандельштама: «*Не говори никому, / Все, что ты знаешь, забудь – / Птицу, старуху, тюрьму / Или еще что-нибудь*» (Мандельштам 2001, 164). У Поморского действительность другого времени, но, возможно, этим подчеркивается неизменяемость определенных моральных проблем.

Стихотворение Адама Загаевского «В энциклопедии опять не хватило места для Осипа Мандельштама...» написано в 1979 г. Адам Загаевский (Adam Zagajewski)

⁴ Как следует из комментария М. Л. Гаспарова, заглавие «Ленинград» – редакционное, данное стихотворению при публикации в «Литературной газете» в 1932 г. (Мандельштам 2001, 647).

в 1982 г. эмигрировал, поскольку за связь с оппозиционным движением на его стихи, эссе, статьи был наложен запрет публикации. Он стал сотрудником редакции польского журнала «Литературные тетради» (*Zeszyty Literackie*) в Париже. В 2002 г. вернулся в Польшу и продолжил литературную работу.

В энциклопедии опять не хватило места для Осипа Мандельштама / Бездомный всегда так трудно с квартирой / прописаться в Москве просто нереально / зовёт его Кавказ шумит гудит / Азии низкий лес эти дни ещё не пришли / кто-то другой собирает камешки с черноморских пляжей / все ещё длится непрерывное следствие хотя мундир / нового фасона и другой круглоголовый / портной в глубоких поклонах купается / Закрываешь книгу звук выстрела и белая / бумажная пыль щекочет ноздри вечер / латинский падает снег никто уже не придёт сегодня/ пора спать но когда постучит в твою тонкую дверь / открой ему.

(Zagajewski 1979, 19)

Сопрягается время автора и биографическое время его героя. Многозначительно слово «*опять*» в первом стихе. Повторяемость, длительность действия (до бесконечности) акцентируется и далее. В данном контексте *портной*, по-видимому, тот, кто *шьет дело*. Стихотворение просто констатирует факты, перечисляет, называет, не используются сложные тропы и метафорика, но такими **простыми** средствами описываемое мифологизируется. Судьба бездомного поэта и бездомность текстов поэта и о поэте, вычеркиваемых, запрещаемых, изгоняемых, ведь дом для текста – книга. Мотив обиды за поэта в этом стихотворении сближает его с «Экспонатом в литературном музее» Ворошильского как выражение солидарности, тепла, а лучше сказать, – утверждения верности Мандельштаму и его поэзии.

С 1970-х гг. Мандельштам стал в Польше символом поэта, жизнью заплатившего за право писать свободно, он «заплатил собственным телом за силу духа», как сказал Рымкевич (Рымкевич 2004, 57); в нем польские поэты видели символ собственной судьбы.

Писавшие о Мандельштаме относились к русскому поэту так, как они привыкли относиться к своим великим поэтам. Да и он стал для них своим. Их привлекала его связь с традицией – античной («средиземноморской»), европейской – с ее истоками. В польской поэзии (и вообще в культуре) живым, «действующим» вплоть до настоящего времени является не только романтизм, но и Ян Кохановский (XVI век), и барокко.

В 1987 г., когда был снят запрет на публикацию произведений и объявлена официальная реабилитация Мандельштама, известный польский бард и писатель Яцек Качмарский (Jacek Kaczmarski, 1957–2004) сочинил песню «Воскресение Мандельштама» (*Zmartwychwstanie Mandelsztama*). Отступим в этом случае от правила и дадим текст в очень хорошем переводе Натальи Горбаневской: «*По Архипелагу слух как телеграмма, / Что, мол, выпускают Оську Мандельштама*». «*Выпускать*» – и книгу, и человека. В оригинале более сложная омонимия: *wydać* может означать «издать, выпустить книгу», «отпустить (на свободу)», но также «выдать (врагам)», «издать» приказ, приговор; «израсходовать» (т.е. пустить в расход). Яркий гротеск, сатира

строится на обыгрывании омонимии и метафорических смыслов. Продолжим цитату, обратив внимание на удачное в этом контексте многозначное (и употребительное) жаргонное выражение «мы его того», использованное переводчицей:

Страшно удивился опер краснорожий: / «Как так выпускают? Мы ж его того же...» // Но генсек новейший отвечает: – Лапоть! / «Выпустить» сегодня значит «напечатать»! // Тяжкая охране досталась работа: / Мандельштам? Который? Их у нас без счета. // Кто деревья валит, кто дороги торит:/ Все они поэты, каждый – стихотворец. // Ужасом у вохры налились взоры. / По швам затрещали от поэтов зоны. // Ищут вохра дело, приговор, решение, / Открывают папку – там стихотворенье. // И людей в нем сотни, как на соснах шишек, / Одного-единственного никак не разыщешь. // Утверждают ээки, что давно он помер,/ Видно, очень стары, ничего не помнят. // Мандельштам схоронен? Возможно ли это? / Про него живого пишется в газетах! // Не понять в тайге им, на амурских сопках, / Что «живой» всего лишь метафора в скобках.// Смотрит сверху Осип на земные игры, / Впитывая горечь запоздалой славы.

(Горбаневская 2006, 277)

Обвинение режиму, погубившему многих поэтов, высказано остро, прямо, просто по форме, что называется, понятно всем слушателям. Полное сарказма стихотворение заканчивается полным горечи разъяснением метафоры.

А теперь обратимся к стихам о Мандельштаме Ярослава Марека Рымкевича. Их можно, может быть, объединить в цикл, хотя написаны они в разное время. Рымкевич (Jarosław Marek Rymkiewicz) пришел в литературу во второй половине 1950-х гг. Поэт, прозаик, драматург, исследователь-полонист, автор монографий о Мицкевиче и Словацком, исторических сочинений, публицистики, а также чуткий и тонкий переводчик, в том числе выпустивший в 2009 г. сборник своих переводов с комментариями: „Osip Mandelsztam. 44 wiersze i kilka fragmentów”. Еще в 1964 г. он написал стихотворение «Осип» (Osip). Приведем его текст:

А Осип где А Осип в кресле склоненный / Щелкает и свищет может стихи слагает / Может в руинах может ночью в церкви / свечу зажигает видит лица умерших / Может над водою свистит в плаче птичьим // Слово от слова пока всловит слово // Птички мои гаммы птичье было лето / О звезд полное и перьев и крови и знаков / О летное лето о перистое лето / Среди щелгов кто вновь был счастливым / Птичье имеешь око дитя перья птички / А любовь вновь любовь гортанноптичьа // Надежда в белом через рожь бежит / И как звезда птицепёрая светит // Может в руинах может в птичьих гаммах / Может над водой в церквях птичьегортанных / Может где Гете / Где Меганомом / Щелкает и свищет и отсловляет слово / Так что взлетит кресло в ясное небословье / А Осип где А Осип в кресле склоненный / Умирает внезапно в свете рефлекторов.

(Rymkiewicz 1981, 43)⁵

Развертывание образов в этом стихотворении, его поэтика сна увлекают за собой читателя, а может, даже отвлекают; неологизмы, варьирующие концепты «слово»,

⁵ Первая публикация в газете «Современность» (Współczesność) (Rymkiewicz 1964, 3). Благодарим за указание Р. Д. Тименчика.

«гортань», «лето» (придается и звуковая окраска птичьего щебета), замедляют чтение и восприятие. Тому же способствует и кольцевая композиция, – тем сильнее последний «ударный» – ударяющий заключительный стих. Усилено впечатление и на понятийно-словесном уровне наречием «внезапно» (*nagle*). Стихотворение суггестивно. Отметим очевидную реминисценцию из мандельштамовских «Восьмистиший» (5): «И Моцарт на воде, и Шуберт в птичьей гаме. / И Гете свищущий на вьющейся тропе...» (Мандельштам 2001, 198). Упоминание Меганомы вносит траурную ноту. Во всех стихах Рымкевича о Мандельштаме лирический субъект будет появляться в окружении, рядом с птицами. Ярko проявилась здесь и любовь Рымкевича к паронимии (как и у его любимого поэта). «И Моцарт на воде, и Шуберт в птичьей гаме...» – первое стихотворение Мандельштама, переведенное Рымкевичем тогда же. Это было в Москве, тогда же он получил одобрение и ободрение от Надежды Яковлевны на новые переводы (Рымкевич 2004, 55).

«Улица Мандельштама» – так назвал Рымкевич книгу стихов⁶. Сборник был впервые выпущен подпольно (иначе говоря, в Самиздате) в Кракове в 1983 г.⁷

*А где эта улица Нет этой улицы / Идут по снегу в валенках / царские работники //
А где эта улица То знаем мы трое/ Там где кости в земле как слои на древе // Там
где в слоях кровь струится И все равно чья она // Как поет у Шуберта белая шея //
Там где кости пускают побеги зеленые / От вечности нас отделяет лишь тротуар
узкий // Там где он себе ходит щеглов косых кормит / Как у Шуберта в песнях
длинные белые волосы // Как длинная белая шея Сосуд нашей крови / Как кровь что
из уст и ушей хлынет черной волною // Там где с Богом под руку он каждый день
гуляет / Фуфайка его прогнила и в швах выпирает // За ним энкаведешник идет в
стельку пьяный / А Бог с Шубертом играют на двух фортепиано.*

Июль 1981 (Rymkiewicz 1992, 14)

Приведем для полноты картины несколько строф оригинала:

*A gdzie jest ta ulica Nie ma tej ulicy / Idą przez śnieg w walonkach carscy robotnicy //
A gdzie jest ta ulica To wiemy my troje / Tam gdzie kości są w ziemi jako w drzewie
słoję // Tam gdzie w słojach krew płynie Wszystko jedno czyja // Jak u Schuberta śpiewa
długa biała szyja // <...> Tam gdzie z Bogiem pod rękę co dzień spaceruje / Fufajkę
ma przegniłą i w szwach mu się pruje // Za nim enkawudzista idzie w sztok pijany
A Bóg z Schubertem grają na dwa fortepiany.*

Рымкевич в своем стихотворении идет от заключительных строк указанной выше книги Пшибыльского, но в большей мере, конечно, от стихов «И потому эта улица, или верней, эта яма / так и зовется по имени этого Мандельштама»

⁶ Это не единственный случай: книга стихов Т. Венцловы в русских переводах именуется «Граненый воздух». В названии использованы слова из стихотворения Мандельштама «Веницейской жизни мрачной и бесплодной...» (Венцлова 2002). У Венцловы есть и стихотворение о Мандельштаме – «Памяти поэта. Вариант» (Poeto atminimui. Variantas) (Venclova 1991, 90–91).

⁷ Второе издание также осуществило нелегальное варшавское издательство „Przedświt” в 1984 г.; автор изменил название на „Reduta Ordona”, по одноименному стихотворению Мицкевича. Третье издание, уже легальное, вышло в Кракове в 1992 г.; 2-е и 3-е издания автор дополнил.

(Мандельштам 2001, 209). Поэт говорит об улице Мандельштама как об огромной братской могиле в снежных пространствах ГУЛАГа. И не случайно упоминание царских чиновников и энкаведешника. Кости слой на слое, выпускающие зеленые ветки, прорастают сквозь спрессованное в этих слоях время. Кости польских узников русского царизма – участников восстаний, и кости узников советского режима, в том числе и поляков. Поэтому он говорит «мы». Улица Мандельштама перенесена в космическое пространство бессмертия, где звучит музыка сфер. Стихотворение напоминает ритмический рисунок некоторых стихов русского поэта; в нем почти парафрастическое варьирование его мотивов. У Рымкевича немало таких стихов, например, легких парафраз – Милоша, или классиков – Словацкого. Это входило в его представление о классицизме в современной поэзии. Отметим также, что стихотворение о Мандельштаме живет у Рымкевича в контексте стихов о Шуберте, а также Моцарте, Бетховене, Вивальди.

В названном выше сборнике Рымкевича есть цикл «Tristia». Конечно, заголовок отправляет к Овидию, но и к Мандельштаму: его имя прямо не названо, но узнается с первых же строк:

*В Рим ты уже не поедешь / Тебе Рим уже больше не нужен / На нарах рванье тут
имеешь / И за решеткой кусочек неба // Овидий в камере тюремной / Над Троадой
солнце восходит / Пастухи фракийцы в тулуках // По виа-Кассиа едут на козах // В
Рим ты уже не поедешь / Что бормочешь, на нарах лежа // Ты не думай что кто-
то помнит / На Виа-Кассиа твою песнь соловью.*

И далее, 2-е, продолжающее цикл, стихотворение:

*Попльви-ка ты дальше в Колхиду / Туда где снег лежит синерозовый / Где сто-
ят вершины Кавказа / Бородатые классиков лики // Пастухи поют там песни / О
могучем вожде о Сталине / А история может проходит / А возможно никогда не
кончится // Там наешься черного сыра / И напейся горького дыма / Чтоб забыл что
ты был поэтом / О невольник Третьего Рима / А не слышал ли ты как в полночь /
Хитрый Сталин громко смеется / А история в белом хитоне / Пораженная каме-
неет / Но тотчас же – о легкостопая / В круг танцовщиц вступает уснувших / На
медовых лугах Колхиды / Развеваются вновь хитоны.*

(Rymkiewicz 1992, 27–28)

Скорбная элегия Рымкевича строится иначе, чем у Овидия, но, как это свойственно Рымкевичу, есть горькая саркастическая подоплека в этой песне-прощании. Так Рымкевич слагал свой Реквием Мандельштаму.

Помимо других узнаваемых мотивов, возможно, в подтексте есть отзвуки стихотворения Мандельштама «Колют ресницы. В груди прикипела слеза...» (1931): «С нар приподнявшись на первый раздавшийся звук, / Дико и сонно еще озираясь вокруг, / Так вот бушлатник шершавую песню поет / В час как заря над острогом встает» (Мандельштам 2001, 168). И «горький дым» здесь явно из крымского стихотворения «Обиженно уходят на холмы...» (1915).

Рымкевич вновь и вновь возвращается к любимому поэту. Два стихотворения написаны уже в XXI в. По-прежнему он часто использует дистих как форму строфы:

Осип Манделъштам входит в сад

Осип Манделъштам в сад мой входит / нет у него ни отчизны, ни судьбы, ни народа / нет даже имени идёт из Воронежа / всё меньше в нем от человека, а больше от ежа // рубаха рваная под ней немного тела / из глубин бытия яблоня-дичок выходит / знают его мои коты знают плющ и росы / Бродит среди синичек его нога босая / знают его ежи и кроты одинокие творенья/ объятые тайной великого молчанья / нету даже Надежды напрасно ее ищет / и поэзии уже нет / стучит ещё посох / Осип, привет тебе в моих краях / эти ежи здесь пресократики наши / Осип Манделъштам неживой как все неживое / наклоняется и срывает последнюю крапиву.

(Rymkiewicz 2003, 172)

Текст входит в томик «Заход солнца в Милянубеке» (Zachód słońca w Milanówku). Опубликованный в 2002 г. сборник стал лучшей польской книгой года. Милянубек – небольшой городок недалеко от Варшавы, славящийся своими садами, как и городки по соседству. Описывается сад: в разное время года, суток, в разном освещении, в присутствии поэта и в его отсутствие. Но не классический, не романтический. И даже не поэтический. И вообще не сад. И может, даже и не Милянубек. Сад метафизический, сад как повод и пространство для рефлексии. Что и кто в саду, видно из текста. Автор-персонаж считает животных коллегами, а крапиву – братцем; коты пишут стихи и читают Хайдеггера (в других текстах цикла). Неудивительно, что ежи – это «пресократики наши». Природа, растительный и животный мир, человек – на одном уровне как единство живого и умирающего, цветения и разложения. Автор при этом часто говорит о своей старости, седине, приближающейся смерти. Человек – не высший, не «царь», мало того, он глух к тому, что ему говорит плющ или яблоня. Все они вместе – в некоем «космическом компосте». Помимо барочной традиции (явной в поэзии Рымкевича в целом) здесь и своеобразная апелляция к «Ламарку» и тематически близким к нему стихотворениям из «Восьмистиший» Манделъштама. Объединяют этот мир сада мотивы тайны бытия, неумолимого течения времени, где всё преходяще, смерти и, по всей видимости, бессмертия. Потому не случаен в саду и Осип Манделъштам, чья телесная оболочка разрушается, но духовная суть, запечатленная в слове, не прейдет.

И еще одно стихотворение, написанное позже, в 2003 г., с той же строфой дистихом – «Осип Манделъштам идет с ландышами». Тексту предпослан эпиграф – цитата из воспоминаний Анны Ахматовой: «Тогда он был худощавым мальчиком, с ландышем в петлице, с высоко закинутой головой, с пылающими глазами, с ресницами в полщеки» (Ахматова 2005, 418). Создавая (по своему обыкновению) расширенную парафразу, Рымкевич пишет такой портрет:

Осип Манделъштам идет с цветком в петлице / Пахнут мокрые ландыши он болен сердцем / Идет через Невский проспект потом по Фонтанке / Несет мокрые ландыши новой подруге // Где водолёт из Кронштадта к пристани мчится / там другие целуются и новые лица // Во врата смерти Нева с разбега несется / Поэзия! А ты помнишь как эта песнь поется // Осип Манделъштам идет сквозь мокрые букеты / Сквозь лагеря оставленные и сквозь всех женщин приветы // Идет сквозь

метро и сквозь площадь Ленина / У него ресницы как у красавицы длинные // Сквозь толпу на перронах сквозь песнь Саломеи / Вся судьба и все годы теперь виднее // Там где Черная речка там могила расстрелянных / Идет сквозь побелку асфальт и кровавые стены // Идет сквозь те двери что с мясом вырваны / Несет свои ландыши умершей возлюбленной // Трауром воздух звенит над Фонтанкой / Поэзия! Я помню что ни к чему ты.

8 мая 2003 г. (Горбаневская 2006, 188)⁸.

Собственно, в комментарии здесь нет необходимости. Стихотворение написано просто и понятно, – так пишет автор в последние годы. Вновь горечь в утверждении о том, что поэзия не спасает даже великих поэтов. Заметим, что у Рымкевича его герой почти всегда в настоящем времени: *сидит в кресле; кормит щеглов, гуляет; входит в сад, срывает крапиву; идет с ландышами*; он движется сквозь пространство и время. В поэзии Рымкевича последних лет выражается убеждение, что бытие осуществляется только в слове, и это память. Писателем может быть только тот, кто помнит. Об этих творческих установках он пишет и говорит в интервью (Woźniak-Łabieniec 2012).

И в заключение еще об одном тексте. В поэме Петра Мицнера «Город Петра» (Miasto Piotra, 2004)⁹ появляется Мандельштам. Петр Мицнер (Piotr Mitzner) – известный поэт и филолог, сотрудник общества «Мемориал», был в редколлегии журнала «Новая Польша». При всей камерности поэма очень содержательна. В ней соплагаются разные планы. Город назван Петербургом (в игре, конечно, и имя автора). В первой главе, своеобразном предисловии, заданы композиционные принципы: в движущемся поезде можно идти в обратном его ходу направлении, но при этом все равно двигаться вперед. Подробного описания города нет, упоминаются лишь некоторые локусы: Петропавловская крепость, Нева, сфинксы, разведенные мосты, белая ночь, Черная речка. Исторические лица могут узнаваться, к примеру: «камер-юнкеры кланяются сфинксам» – говорящая метафора. Появляется Петр I и его патрон, узнаваемый только из контекста. Время перетекает, но прошлое не ушло, продолжает жить. Для польского поэта Петербург немислим без польской ноты. Но в поэме Мицнера возникает не ожидаемый Мицкевич, а «Это я – Осип Сенковский / кандидат из Вильно» (Mitzner 2004, 61). Выбор не однозначен, поскольку при этом автор объясняет польскому читателю в примечании, кто это такой. Интересно, что Сенковский говорит: «а имя мое двадцать и два» (там же). Так автор поэмы парадоксально-иронически перефразирует формулу Мицкевича (известную каждому школьнику): «а имя его сорок и четыре» – мистический код будущего освободителя Польши (оставшийся неразгаданным). Тем самым все же в глубоком подтексте появляется тень Мицкевича.

Поэт XXI в. желает понять этот город, «созданный на пограничье / земли и моря / женщины и мужчины / порожденный силами природы». В нем все амбивалентно и

⁸ Мы располагаем оригиналом стихотворения, помещенным параллельно с переводом в книге Горбаневской. Перевод подстрочный наш. – В.Б.

⁹ Пользуясь случаем, сердечно благодарю уважаемого автора Петра Мицнера за предоставленный мне полный текст поэмы. Страницы указываются по этому тексту. – В.Б.

многослойно: «С высокого берега глядит на свое лицо / перерезанное / нет это не ветка / а шрам / а это не на воде / а под глазами круги» (Mitzner 2004, 58). Город и «набирается воспоминаний», и одновременно он «не памятливы». Описание складывается в образ-оксюморон «двойного бытия» этого города: «хочет восхищаться / огнем / хотя именно он выжжет ему память / водой которая залила ту самую кровь / греческой черепахой, лежащей на солнце / двойное дно Невы / то что равнодушно / на крик и слезы / потому что равнодушно / а также камень замшелый...» (Mitzner 2004, 58; выделено нами. – В.Б.). Появление поэтов подготовлено тем подводным течением, которое струится в поэме, как и в Неве. И вот глава 15-ая (приводим полностью): «Ждем указаний секундантов / добегут ли? / когда мы во мгле // срослись спинами / Черная речка / Вторая речка / – Пушкин! // – Осип! / кричат черные / маски чаек» (Mitzner, 2004, 62). Ожидающее «мы» (*czekamy*) включает и автора (лирическое «я») в происходящее. Два поэта – спина к спине – длящаяся круговая оборона Поэзии. Может быть, они так же держат мир, сжав пространство между двумя «речками». Тоже своего рода памятник. Осуществленное поэтом нашего времени «в Петербурге мы сойдемся снова...». Он пришел на эту встречу.

Стихи о Мандельштаме, здесь представленные, при всем различии, имеют два общих аспекта: рассказывают о самых трагических страницах его судьбы и воспроизводят образ и образы его поэтического мира. Эти стихи представляют собой особое культурное явление. Они естественно живут в контексте польской литературы; да и сложиться они могли только в Польше, с ее свободолобием, восстаниями, подпольем (в том числе и издательским), непокорностью.

Польская поэзия сильно и всегда укоренена в традиции, не было необходимости «склеивать столетий позвонки» – они срослись нерасторжимо. Поэты-романтики актуальны всегда, как актуальна и непрекращающаяся связь с историей. И здесь мы вновь обратимся к Артуру Мендзыжецкому: «В Польше нас спасает исторический экран. Поэт – гражданин, конечная формула – и боль, и разочарование – гражданские, вписанные в историю» (Międzyzyczekki 1992, 308).

Мицкевичем созданы архетипические образы и мотивы, в которые вписан польский мартиролог. Путь в Сибирь, в бесконечное снежное пространство неволи, вслед за участниками восстаний против царской России прошли узники лагерей советского ГУЛАГа в XX в. Их было очень много, арестованных в 1939–40 гг. на территориях, занятых СССР. Об этих событиях, судьбах слагались и слагаются стихи, в том числе и самими их «участниками»–узниками. Эта память живет в поэзии и сейчас. В этот мартиролог вписан Мандельштам, так же, как некогда Мицкевич включал в него русских поэтов. В завершении 3-ей части «Дзядов» Мицкевич поместил стихотворение «Русским друзьям» (*Do przyjaciół moskali*), в котором писал:

*Где вы? Рылеев, ты? Тебя по приговоре
За шею не обнять, как до кромешных сроков, –
Она взята позорною пенькою. Горе
Народам, убивающим своих пророков!*

*Бестужев! Руку мне ты протянул когда-то.
Царь к тачке приковал кисть, что была открыта
Для шага и пера. И к ней, к ладони брата,
Пленённая рука поляка вплоть прибита.*

(Якобсон 1984. Пер. Анатолия Якобсона)

У Мицкевича братство поэтов, преследуемых режимом, – польско-русское. Этому братству верны польские поэты. Так они пишут о Мандельштаме. Здесь отзывается и самая знаменитая строка Мицкевича: «Песнь уцелеет» (*Pieśń ujdzie cało*): «Сокровища искусства уничтожит пламя, / Богатства меч разбойника добудет, / Песнь уцелеет – облетит народы...» («Конрад Валленрод») (Mickiewicz, 2009, 28). Песнь поэта сохранит для потомков память о событиях; в поэме Мицкевича она названа также «ковчегом Завета» между поколениями. О «песни» как свидетельстве говорит еще Библия (Втор. 31:19; и др.). Польские поэты, выражая личное отношение к поэзии и судьбе Осипа Мандельштама, видят своей обязанностью сохранить память, рассказать о нем, к этому их обязывает поэтический дар. В ответ на вопрос, чему он научился у Мандельштама, Рымкевич первой назвал «нежность к миру людей» (Рымкевич 2004, 58).

Литература

- Ахматова, А. 2005. *Стихотворения. Проза*. Москва: ЭКСМО.
- Горбаневская, Н. 2006. «И тогда я влюбилась в чужие стихи...». *Избранные переводы из польской поэзии*. Варшава – Краков: Библиотека журнала «Новая Польша».
- Корни, победы, плоды... *Мандельштамовские они в Варшаве*. 2014. В 2-х ч. / Сост. П. М. Нерлер, А. Померский, И. З. Сураг. Москва: РГГУ.
- Левинтон, Г. А., Тименчик, Р. Д. 2000. Книга К. Ф. Тарановского о поэзии Мандельштама. *Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике*. Москва: Языки русской культуры, 404–416.
- Мандельштам, О. 2001. *Стихотворения. Проза*. / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Л. Гаспарова. Москва: Издательство АСТ; Харьков: Фолио.
- Мицнер, П. 2011. Путь Мандельштама в Польшу. *Новая Польша* 12, 26–33.
- Ронен, О. 2002. *Поэтика Осипа Мандельштама*. Санкт-Петербург: Гиперион.
- Рымкевич, Я. М. 2004. Мандельштам – победитель истории. Беседа с Ярославом Марекком Рымкевичем. Беседу вела Н. Горбаневская. *Новая Польша* 7–8, 55–58.
- Якобсон, А. 1984. Переводы. Адам Мицкевич. Русским друзьям. *Иерусалимская антология*. Режим доступа: <https://www.antho.net/library/yacobson/translations/adam-mitskevich.html> [см. 05 05 2019].
- Bierezin, J. 1974. *Wam. Poezje*. Paryż: Instytut Literacki (Biblioteka „Kultury”).
- Celan, P. 2003. *Die Gedichte*. Herausgeben und kommentiert von Barbara Wiedemann. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Mickiewicz, A. 2009. *Konrad Wallenrod*. Kraków: Greg.
- Międzyrzecki, A. 1970. *Dialogi i sąsiedztwa*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 111–118.
- Międzyrzecki, A. 1982. *Wojna nerwów. Poezje*. Warszawa: Czytelnik.
- Międzyrzecki, A. 1992. *To samo miasto, ta sama miłość*. Opowiadania i fragmenty dzienników. Warszawa: Czytelnik, 329–330.
- Międzyrzecki, A. 1994a. *Rzeka czarownic. Wiersze wybrane z lat 1944–1994*. Kraków: Tikkun.
- Międzyrzecki, A. 1994 b. *Poezja polska 1939–1991. Antologia*. / Comp. Ryszard Matuszewski. Warszawa: Wydawnictwa szkolne i pedagogiczne.
- Mitzner, P. 2004. *Miasto Piotra. Личный архив автора статьи*.

- Osip Mandelstam. Nieograbiony i nierozgromiony. Wiersze i szkice* 2011. Wybrał, przelozył i komentarzami opatrzył Adam Pomorski. Warszawa: Open – Wydawnictwo naukowe i literackie
- Przybylski, R. 1966. *Et in Arcadia ego. Esej o tęsknotach poetów*. Warszawa: Czytelnik, 13–53.
- Przybylski, R. 1980. *Wdzięczny gość Boga*. Paris: Libella.
- Rymkiewicz, J. M. 1964. *Osip. Współczesność*. 173, 3.
- Rymkiewicz, J. M. 1981. *Poezje wybrane*. Warszawa: Wydawnictwo LSW.
- Rymkiewicz, J. M. 1992. *Ulica Mandelstama*. Kraków: Arka.
- Rymkiewicz, J. M. 2003. *Cicho ciszej. Wybór wierszy z lat 1963–2002*. Warszawa: Wydawnictwo Sic!
- Rymkiewicz, J. M. 2009. *44 wiersze i kilka fragmentów Osipa Mandelstama (także komentarz)*. Warszawa: Wydawnictwo Sic!
- Venclova, T. 1991. *Pašnekesys žiemą*. Vilnius: Vaga.
- Wójciak, M. 2009. Muza pamięci. O twórczości Osipa Mandelstama w Polsce. *Pamiętnik Literacki* 2, 85–108.
- Woroszyński, W. 1988. *W poszukiwaniu utraconego ciepła i inne wiersze*. Kraków: Znak.
- Woźniak-Labieniec, M. 2012. *Polska poezja współczesna. Jarosław Marek Rymkiewicz. Przewodnik poetycki*.
 Режим доступа: <http://przewodnikpoetycki.amu.edu.pl/jaroslaw-marek-rymkiewicz> [см. 05 05 2019].
- Zagajewski, A. 1979. *List*. Kraków.

References

- Akhmatova, A. 2005. *Stikhotvorenii. Proza*. [Poems. Prose]. Moscow: EKSMO Publ.
- Bierezin, J. 1974. *Wam*. Poezje. [For you. Poetry]. Paris: Literary institute Publ. (“Culture” library).
- Celan, P. 2003. *Die Gedichte*. [Poems]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ.
- Gorbanevskaya, N. 2006. «*I togda ja vliubilas` v chuzhie stikhi...»*. *Izbrannye perevody polskoi poezii*. [“And Then I Fell in Love with Poetry of Others...”. Chosen translations of Polish poetry]. Warsaw – Kraków.
- Korni, pobegi, plody... Mandel'shtamovskie dni v Varshavie*. 2014. V 2 ch. [Roots, Shoots, Fruit. Mandelstam's Days in Warsaw. 2 tomes]. Moscow: RGGU Publ.
- Levinton, G. A., Timenchik, R. D. *Kniga K. F. Taranovskogo o poezii Mandelstama*. [The book about Mandelstam's poetry by K. F. Taranovsky]. *Taranovskiy K. F. O poezii i poetike*. [About poetry and poetics]. Moscow: Yazyki russkoy kultury Publ.
- Mandelstam, O. 2001. *Stikhotvorenija. Proza*. [Poems. Prose]. Moscow: AST Publ.; Kharkov: Folio Publ.
- Mickiewicz, A. 2009. *Konrad Wallenrod*. Kraków: Greg Publ.
- Międzyrzecki, A. 1970. *Dialogi i sąsiedztwa*. [Dialogues and Adjacencies]. Warsaw: Państwowy Instytut Wydawniczy [National publishing institute] Publ.
- Międzyrzecki, A. 1982. *Wojna nerwów*. [The War of Nerves]. Warsaw: Czytelnik Publ.
- Międzyrzecki, A. 1992. *To samo miasto, ta sama miłość. Opowiadania i fragmenty dzienników*. [Same Town, Same Love. Stories and diary entries]. Warsaw: Czytelnik Publ., 329–330.
- Międzyrzecki, A. 1994a. *Rzeka czarownic* [Sorceress's River]. Kraków: Tikkun Publ.
- Międzyrzecki, A. 1994b. *Poezja polska 1939–1991. Antologia*. [Polish Poetry. 1939–1991 years. Anthology]. Warsaw: Wydawnictwa szkolne i pedagogiczne [Schools and Pedagogic] Publ.
- Mitzner, P. 2004. *Miasto Piotra*. [Peter's City]. *Author's Personal Archive*.
- Mitzner, P. 2011. *Put` Mandelstama v Pol'shu*. [Mandelstam's Journey to Poland]. *Nowaya Polsha* 12, 26–33.
- Osip Mandelstam. Nieograbiony i nierozgromiony. Wiersze i szkice* 2011. Wybrał, przelozył i komentarzami opatrzył Adam Pomorski. [Osip Mandelstam. Unplundered and Uncrushed. Poems and feature articles. / Comp., translation and comments by A. Pomorski]. Warsaw: Open – Science and literature Publ.
- Przybylski, R. 1966. *Et in Arcadia ego. Esej o tęsknotach poetów*. [Et in Arcadia ego. Of Poets' Yearning]. Warsaw: Czytelnik Publ.
- Przybylski, R. 1980. *Wdzięczny gość Boga*. [God's Grateful Guest]. Paris: Libella Publ.
- Ronen, O. 2002. *Poetika Osipa Mandelstama*. [Osip Mandelstam's Poetic]. St. Petersburg: Hiperion Publ.
- Rymkiewicz, J. M. 1964. *Osip. Współczesność*. [Contemporaneity] 173, 3.
- Rymkiewicz, J. M. 1981. *Poezje wybrane*. [Chosen Poetry]. Warsaw: LSW Publ.

- Rymkiewicz, J. M. 1992. *Ulica Mandelstama*. [Mandelstam's Street]. Kracow: Arka Publ.
- Rymkiewicz, J. M. 2003. *Cicho ciszej*. Wybor wierszy z lat 1963–2002. [Silently, More Silently. Chosen verses 1963–2002]. Warsaw: Sic! Publ.
- Rymkiewicz, J. M. 2004. Mandelstam – pobeditel' istorii. [Mandelstam, Conqueror of History]. *Novaya Polsha* 7–8, 55–58.
- Venclova, T. 1991. *Pashnekesis zhema*. [Conversations in Winter]. Vilnius: Vaga Publ.
- Wójciak, M. 2009. Muza pamięci. O twórczości Osipa Mandelstama w Polsce. [Muse of Remembrance. Of Osip Mandelstam's work in Poland]. *Pamiętnik Literacki* 2, 85–108.
- Woroszyński, W. 1988. *W poszukiwaniu utraconego ciepła i inne wiersze*. [In Pursuit of Lost Warmth and other poems]. Cracow: Znak Publ.
- Wozniak-Labieniec, M. 2012. Polska poezia współczesna. [Polish Contemporary Poetry]. Jarosław Marek Rymkiewicz. *Przewodnik poetycki*. Available at: <http://przewodnikpoetycki.amu.edu.pl/jaroslaw-marek-rymkiewicz>. Accessed 5 May 2019.
- Yacobson, A. 1984. Perevody. [Translations]. Adam Mickiewicz, Russkim druzyam. [To Russian Friends]. *The Jerusalem Anthology*. Available at: <https://www.antho.net/library/yacobson/translations/adam-mitskevich.html>. Accessed 5 May 2019.
- Zagajewski, A. 1979. *List*. [The Letter]. Kracow.

Osipas Mandelštamas lenkų poetų eilėse

Valentina Brio

Santrauka. Straipsnyje nagrinėjami lenkų poetų eilėraščiai apie Mandelštamą. Šie eilėraščiai yra ypatingas recepcijos tipas, juos galima interpretuoti ir Mandelštamo skaitytojo temos aspektu. Straipsnyje analizuojama 15 garsių lenkų poetų eilėraščių, tarp autorių – Artur Międzyrzecki, Wiktor Woroszyński, Jarosław Marek Rymkiewicz ir kt. Lenkų poetai tragišką Osipo Mandelštamo likimą vaizduoja per poeto įvaizdį ir poezijos reikšmę, siedami tai su gyvąja lenkų literatūros ir kultūros tradicija. Jie rašo apie Mandelštamą kaip apie kankinį ir kaip apie didį poetą ir laiko savo pareiga išsaugoti atminties liudijimą.